

RU

Исторический роман в современной литературе: типология и трансформация жанровых форм

Горбуров И. Д.

Аннотация. Цель исследования – разработка универсальной классификации субжанров исторического романа на основе анализа существующих теоретических подходов и современных литературных практик. В статье особое внимание уделяется проблеме определения жанровых границ и выявлению инвариантных черт исторического романа. В ходе работы выделено и охарактеризовано четыре основных субжанра: историософский роман, историографический метароман, альтернативно-исторический роман и историоцентрический роман. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в рамках одного исследования обобщены специфические черты поэтики каждого субжанра и их особенности взаимодействия с историческим материалом на примере текстов В. О. Пелевина, С. А. Шаргунова, А. А. Проханова. В результате исследования установлена ризоматическая структура исторического романа как жанра, его способность порождать новые субжанровые формы. Выделены четыре основных субжанра исторического романа: историософский роман, историографический метароман, альтернативно-исторический и историоцентрический романы. Главным дифференциальным критерием между жанрами служит способ обращения с историческим материалом. В рамках современной русской литературы искомые субжанры могут реализовываться в чистом виде, могут пересекаться между собой или с корневым жанром исторического романа. Результаты работы вносят вклад в теорию жанра и способствуют более глубокому пониманию процессов жанрообразования в современной литературе.

EN

The historical novel in contemporary literature: typology and transformation of genre forms

I. D. Gorburov

Abstract. The aim of the study is to develop a universal classification of subgenres of the historical novel based on an analysis of existing theoretical approaches and contemporary literary practices. The article pays special attention to the problem of defining genre boundaries and identifying invariant features of the historical novel. Four principal subgenres are singled out and characterized: the historiosophical novel, the historiographic metanovel, the alternate-history novel, and the historio-centric novel. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time within a single research project, the specific features of the poetics of each subgenre and their modes of engagement with historical material are generalized and compared using texts by V. O. Pelevin, S. A. Shargunov, and A. A. Prokhanov as examples. The study establishes the rhizomatic structure of the historical novel as a genre and its capacity to generate new subgenre forms. The four main subgenres identified are the historiosophical novel, the historiographic metanovel, the alternate-historical novel, and the historio-centric novel. The principal differential criterion between these genres is the manner of handling historical material. In contemporary Russian literature, the identified subgenres may occur in a pure form, intersect with one another, or overlap with the core genre of the historical novel. The results contribute to genre theory and promote a deeper understanding of processes of genre formation in contemporary literature.

Введение

Актуальность работы обусловлена необходимостью создания целостной теоретической модели, способной адекватно отразить сложную структуру современного исторического романа и его субжанровых вариаций, что позволит внести существенный вклад в развитие теории литературы и углубленное понимание механизмов жанрообразования в художественной литературе XXI века. Вопрос об определении границ жанра

исторического романа к текущему моменту остается открытым как в российском (Биктимиров, 2021), так и в зарубежном литературоведении (Johnson, 2009). Сохраняет актуальность проблема поиска инварианта исторического романа, ставится под вопрос легитимность самого термина «исторический роман» (Жачемукова, Бешукова, 2011). Большинство исследователей отмечают неоднородность жанра, подвижность его границ (Шарифова, 2011; Снигирева, Подчиненов, 2013). Тем не менее, попытки теоретического осмысления феномена исторического романа, а также классификации его субжанров предпринимались неоднократно. В данном исследовании, опираясь на обширный академический опыт предшественников, мы попробуем разработать универсальную классификацию, учитывающую труды в области теории историософского романа, историографического метаромана, альтернативно-исторического и историоцентрического романов.

Задачи исследования: провести системный анализ существующих теоретических подходов к определению жанра исторического романа; выделить и типизировать субжанры исторического романа; выяснить, каким образом искомая классификация реализуется в контексте современной российской романистики.

Материалом для исследования послужили тексты современных российских писателей В. Шарова (2019), В. Пелевина (2025), С. Шаргунова (1993), А. Варламова (2022), А. Проханова (2025).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области изучения историософского романа Бреева, 2009; Дронова, 2014), историографического метаромана (Даниленко, 2021; Мостобай, 2010), альтернативно-исторического романа (Путило, 2019; Брянцева, 2022), историоцентричного романа (Биктимиров, 2021).

Так Т. Н. Бреева (2009) определяет границы историософского романа, вычленив ключевую точку расхождения субжанра с историческим романом, базирующуюся на переходе истории из объекта описания в непосредственно жанровую стратегию. Т. И. Дронова (2014) исследует вопрос о границах историософского дискурса, лежащего в основе историософского романа, подчеркивая его разницу с эпистемологическим дискурсом в рамках философии истории. И. В. Даниленко (2021), Т. Ф. Мостобай (2010) доказывают связь историографического метаромана с идейно-эстетическими канонами постмодернизма, определяя ряд характерных черт, ставших следствием влияния направления на субжанр. О. О. Путило (2019) устанавливает границы альтернативно-исторического романа в рамках современной российской литературы, размежевывает его с родственным субжанром – криптоисторическим романом. Б. И. Невский (2004) производит классификацию альтернативно-исторического романа, выделяя его «реалистический» и «произвольный» типы. В. Э. Биктимиров (2021) поднимает вопрос о формировании нового субжанра – историоцентричного романа – не подпадающего под характеристики ни исторического, ни историософского, ни постмодернистского псевдоисторического романов.

Методы исследования включают комплексный анализ теоретических работ по проблеме исторического романа, сравнительно-исторический метод для сопоставления различных подходов к классификации жанра, а также тематический анализ художественных текстов, служащих примером проявлений жанровых модификаций. Исследование базируется на методологии системного подхода к изучению жанровых форм.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при анализе современных исторических романов. Материалы исследования могут быть применены в рамках научных семинаров и спецкурсов, посвященных вопросам жанрообразования в современной литературе, а также могут быть включены в общие курсы по истории русской литературы XX–XXI веков.

Обсуждение и результаты

Одной из наиболее значительных попыток определить границы жанра исторического романа является исследование В. Я. Малкиной (2002) «Поэтика исторического романа», посвященное изучению «Капитанской дочки» А. С. Пушкина и «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя, влияния на искомые тексты традиций В. Скотта и В. Гюго. Исследователь детально рассматривает феномен исторического романа и производит классификацию его типов. Согласно В. Я. Малкиной, исторический роман – это совершенно самостоятельный и устоявшийся жанр, инвариант которого определяется рядом четких условий на всех уровнях текста: на уровне системы персонажей, сюжетной организации, композиционной речевой формы. Чертами исторического романа являются: временная дистанция, соединение точек зрения различных эпох; присутствие исторической справки; авантюристность, испытание героя; соединение общественной и частной жизни; связь судьбы героев с изменениями исторической ситуации и наличие персонажей, противопоставленных друг другу в качестве представителей разных «социальных и культурно-исторических сил»; соединение историзма и «готического антропологизма». Под «готическим антропологизмом» понимается вневременное постоянство человеческого сознания; идея о том, что автономная личность героя литературы XIX века тождественна личности героя литературы XX века; а также идея о наличии нравственных констант, способствующих сохранению искомого постоянства (Малкина, 2002, с. 129).

Несмотря на избыточность критериев, исследования В. Я. Малкиной основываются только на текстах, написанных ранее второй половины XX века. В работе полностью игнорируются более поздние литературные произведения (им не отказывается в праве считаться историческими, для них не выделяются особые субжанры и т. д., но они просто не входят в группу исследуемого материала). В связи с чем возникает казус: если экстраполировать классификацию В. Я. Малкиной на массив текстов XIX века, то в качестве эталонного исторического романа можно взять «A Sinistra» В. О. Пелевина. Текст полностью удовлетворяет всем критериям, заявленным Малкиной: Маркус Зоргенфрей, главный герой романа, живущий в далеком будущем, посредством компьютерной симуляции оказывается в виртуальном пространстве средневековой Италии.

Историческая дистанция между пространствами значительная – более десяти веков; в тексте постоянно присутствует обширная историческая справка (более того она является внутрисюжетной – сам Маркус часто прибегает к ней, чтобы получить представления о реалиях средневековья); сюжет романа авантюрный, строится на постоянных сражениях и приключениях; испытания героя – ключевой элемент конструирования сюжета, с помощью серии инициаций Маркус упрочивает свое положение в иерархии средневековых магов; при этом повествование разворачивается на фоне политической борьбы между Вероной и Венецией. При соблюдении всех перечисленных условий, роман нельзя назвать историческим уже в силу того, что пространство средневековой Италии – не конкретное историческое пространство существовавшего в XVI веке государства, а симуляция, основанная на общих представлениях о культуре средневековья и культуре Италии. Иллюзорность и неисторичность пространства открыто и повсеместно постулируется в тексте романа, внимание читателя раз за разом концентрируется на различиях между «исторически точной Италией» и «Оккультной Вероной, соответствующей реальному средневековью только приблизительно» (Пелевин, 2025, с. 104). Отклонения от историчности порой принимают типичные для постмодернизма гротескные формы: Ромео и Джульетта, существующие внутри симуляции наравне с историческими персонажами, погибают вследствие атаки могущественного мага Эскала, похищающего их лица для использования в ритуалах перевоплощения.

Сама классификация не подразумевает возможности выстраивания пародийного, ирреального или альтернативно-исторического пространства, а значит игнорирует существование любого вида исторических метароманов. При этом подход В. Я. Малкиной оказывается весьма продуктивным, он сохраняет релевантность по отношению к тестам, свободным от временных рамок самого создания произведения если речь идет о «чистой» форме исторического романа (например, «Вечная мерзлота» В. В. Ремизова).

Современные исследователи учитывают колоссальное количество флуктуаций – текстов, с одной стороны удовлетворяющих ряду условий, необходимых для включения в корпус исторической прозы, но с другой – имеющих ряд существенных отличий. Отсюда следует одна из наиболее важных черт, присущих обозреваемым далее трудам: их авторы в меньшей степени структурно выстраивают строгие критерии инварианта исторического романа, в большей степени – пытаются систематизировать массив текстов, находящихся на границе явления, выделив их в самостоятельные субжанры. Обобщая массив работ, посвященных классификации и спецификации исторического романа, мы можем выделить следующий ряд субжанров: историософский роман, историографический метароман, альтернативно-исторический роман, историоцентрический роман или роман об истории. Следует заметить, что среди литературоведов нет однозначного мнения о том, чем являются перечисленные в классификации типы текстов – самостоятельными романскими жанрами или подтипами исторического романа. Т. Н. Бреева (2025), например, маркирует их как «жанровую разновидность»; Т. И. Дронова (2012) называет «тематическими разновидностями» и «жанровыми номинациями». Легитимность использования термина «субжанр» обуславливает общий генезис перечисленных жанровых номинаций, их историческое родство с историческим романом. В это же время на автономность общностей текстов указывают достаточно конкретные и устойчивые черты их поэтики, о которых речь пойдет ниже. Но «решающий вопрос о границах» (Оскоцкий, 1980, с. 17) – является ли сам исторический роман, который мы используем как центральное звено системы, полноценным жанром – остается открытым. Опираясь на программную работу М. М. Бахтина (1975), наиболее справедливым будет назвать исторический роман типом или разновидностью жанра романа. Однако в таком случае единственной доступной дефиницией для историософских, альтернативно-исторических романов (при признании их эволюционной зависимости от исторического романа) будет только «субтип», «субразновидность». Это приведет к терминологической путанице, поскольку ни одно из заявленных понятий не используется в обозреваемой нами теоретической базе.

Историософский роман

Наиболее широко характеризует историософский роман Т. И. Дронова (2014): согласно исследователю, к историософскому роману относятся тексты, основанные на историософском дискурсе. В свою очередь историософский дискурс подразумевает под собой наличие общей универсальной концепции, описывающей и упорядочивающей всеобщий ход истории. От философии истории историософию отличает идея о наличии у всего исторического процесса смысла и конечной цели. Исходя из этого, исследователь исключает модернистские и постмодернистские тексты из разряда историософских – либо за отрицание общего смысла исторического процесса, либо за утверждение идеи о хаосе истории, ее случайности и фрагментарности.

Опираясь на работы Т. Н. Бреевой (2009), Т. М. Колядич, Е. А. Самаровой (2018), выделим ряд характерных для историософского романа черт, конкретизирующих общие положения Т. И. Дроновой: 1) историчность конкретного времени уступает место историческому мифу; 2) суть текста – осмысление исторического процесса как такового, поиска метаисторических констант; выстраивание общеисторического связующего нарратива; 3) возрастание внимания к городским текстам; 4) замещение категории линейного исторического времени с помощью создания универсального вневременного пространства; 5) вторжение в текст романа внелитературных дискурсов (философского, исторического); 6) авторское видение истории превалирует над достоверным изображением исторических событий; 7) частая связь исторического нарратива с конкретной исторической личностью; в рамках этой связи личность выступает в роли эмблемы, а не воссоздает реальную человеческую биографию; на основании данных эмблем выстраивается исторический миф, заменяющий историчность как стратегию создания текста. Четвертый пункт из данного списка требует дополнительного

подробного пояснения. С одной стороны, категорию линейного времени, согласно исследованию Т. Н. Бреевой, возможно заместить с помощью выстраивания художественного пространства на основании какого-либо городского текста. Урбанистическое пространство может разворачиваться в нескольких временных плоскостях с помощью широких реминисцентных планов. С другой стороны, разрушение концепции непрерывного линейного времени связано с возможностью авторов историософских романов «сшивать» различные исторические события, выстраивать между ними причинно-следственные связи, исходящие из главенствующей в тексте историософской концепции.

Усредненное определение историософского романа, удовлетворяющее большинству современных научных концепций: историософский роман – субжанр исторического романа, в котором историческое повествование сопряжено с философским осмыслением исторического процесса как единой универсальной системы и раскрытием «метаисторического смысла» истории. В таких произведениях автор стремится постичь историю через выявление ее движущих сил и всеобщих законов развития.

В качестве прецедентного текста историософского романа в контексте современной русской прозы можно взять роман А. Н. Варламова «Мысленный волк». Историческое повествование в нем полностью подчинено историософской авторской концепции – как на локальном уровне (личных биографий героев), так и на глобальном уровне (жизни и судьбы страны). Текст романа основывается на развернутой метафоре мысленного волка, представляющего из себя воплощение имморализма и греха неверия. При этом расширение смысла метафоры выводит ее в область «уже философии истории» (Латынина, 2014). Мысленный волк веками пытается проникнуть в Россию с Запада: «ученые немцы, образованные англичане, надменные австрийцы, всеевропейские утописты, экономисты, мистики, сектанты – все они пытались проникнуть в Россию» (Варламов, 2022, с. 179); но каждый раз терпел неудачу, пока не укоренился в умах русских людей вместе с творчеством Ф. Ницше. Именно этим моральным грехопадением оправдывается трагическая судьба России в первой половине XX века. Более того, авторская концепция выводится во вневременной план, охватывает не только прошлое, но и будущее: дядя Том, один из персонажей романа, еще в 1917 году предрекает Великую Отечественную войну: «Нас ждет другая, более страшная война, чем та, которую мы вынуждены были остановить, чтобы не потерять всего» (Варламов, 2022, с. 498). Историософская концепция Варламова содержит положительную программу: спасение России лежит в вере, что демонстрирует закрывающая часть романа. Уля, центральный женский персонаж, олицетворяющий Россию (Мескин, 2017, с. 63), останавливается в шаге от самоубийственного прыжка, увидев на небе крест из ночных сполохов, отпугивающий мысленного волка.

Историографический метароман

Как отмечают исследователи, феномен историографического метаромана в значительной степени более изучен в европейском (преимущественно – английском и французском) литературоведении, в то время как в русскоязычном научном пространстве «терминологический плюрализм» (Ломакина, 2020, с. 322) свидетельствует о том, что границы и специфика явления остаются относительно размытыми. Однако обилие научных работ, посвященных анализу конкретных текстов, относящихся к историографической метапрозе, в последнее десятилетие стремительно растет, что приводит к постепенному формированию развернутой теоретической базы. Основываясь на работах И. В. Даниленко (2021), Т. Ф. Мостобай (2010), К. В. Катаевой (2014), установим определение и границы термина. Историографический метароман – субжанр исторического романа, построенный на деконструкции основных законов его поэтики. Автор историографического метаромана исследует взаимоотношения современного человека и истории, ставит под сомнение объективность исторического знания, подчеркивает множественность интерпретаций прошлого и плюрализм мнений. Характерными чертами историографического метаромана являются: 1) обращение к «малым историям», свойственное субжанрам исторического романа второй половины XX и XXI века, смещение акцента с глобальных исторических событий к частной жизни «среднего» человека; 2) интерес не к историческому факту, а к его интерпретации; уравнивание ценности личного переживания с событиями глобальной истории; 3) симулякротизация художественного пространства, включение симулякров в отображение реальной внероманной действительности вплоть до полного замещения (Никитина, 2018); 4) метатекстовость, интертекстуальность и интермедальность; 5) обнажение текстуальности текста – роман исследует не только границы истории, но и собственные литературные границы жанра (Райнеке, 2002).

Таким образом, историософский метароман в значительной степени характеризует общее умонастроение и идейность постмодернистской литературы. История – объект исследования историографического метаромана – текстуализируется и уравнивается с художественным вымыслом, в результате чего любой исторический источник теряет легитимность в качестве отображения действительности, а сама история частично или полностью лишается «реальной референциальности» (Даниленко, 2021, с. 27). Отметим, что параллельно с историографическим метароманом частью исследователей используется термин «постмодернистский псевдоисторический роман». Термины эти по сути описывают единообразное явление с одинаковым рядом характерных черт, в результате чего могут быть взаимозаменяемыми.

Несмотря на заявленную разницу в характеристиках историософского романа и историографического метаромана, современная российская литература изобилует текстами, находящимися на границе субжанров. Например, роман «Кысь» Т. Толстой, определяемый Т. Бреевой (2010) как пример историософского романа, полностью соответствует заявленным критериям поэтики историографического метаромана. В это же время роман А. А. Проханова «Лемнер», выстроенный по постмодернистским канонам на всех уровнях текста,

вполне можно назвать историософским в силу того, что в нем открыто заявлена авторская положительная концепция русской истории. О принадлежности к метароману свидетельствуют пародийное, травестийное относительно реального прототипа изображение биографии Михаила Лемнера – главного героя книги; кариатурное, гротескное изображение представителей российской культурной и политической богемы; постоянное смешение временных слоев, в некоторых случаях – simultaneity разворачивания событий, которые в действительности были сильно дистанцированы во времени, постоянное хаотичное растяжение и сужение хронотопа; метажанровость – использование рефренов, ретардаций, выстраивание повествовательной линии по модели народных сказок. В это же время использование всех описанных инструментов не ограничивается только травестией политического дискурса, а служит для выстраивания магистрального нарратива книги; по сути роман А. Проханова представляет собой притчу, обогащенную постмодернистскими приемами. Осмысляя исторический процесс, автор выводит довольно конкретную мысль: судьба даже выдающегося человека не может быть противопоставлена естественному ходу русской истории, основанному на нерушимой государственности, то есть сама суть идеи иерархичности и порядка парадоксально противоположна эстетическим принципам постмодернизма.

Вместе с тем ситуация смешения субжанровых черт историографического метаромана с историософским романом логична, поскольку оба подхода базируются на текстовом восприятии истории, но в случае с историософским романом это рекомпозиция, а в случае метаромана – деконструкция. При этом писателем могут использоваться оба подхода одновременно. В таком случае возможно либо говорить о пограничном положении текста, либо определять его субжанр, исходя из выраженности стилистических доминант.

Существуют, однако, и прецеденты метароманов, написанных в строгом отрицании самого историософского метода. Например, роман В. А. Шарова «Репетиции» повествует о грандиозной идее патриарха Никона – сыграть великий спектакль-мистерию, основанный на Евангелие от Матфея, чтобы приблизить Второе пришествие Иисуса Христа на землю. В работу над спектаклем вовлекается значительное число местных крестьян, которые в результате длительного процесса репетиций начинают отождествлять себя с героями библейских текстов – Апостолами, фарисеями, волхвами. Никон лишается сана, умирает; крестьян ссылают в Сибирь, где они основывают закрытое поселение, поколениями продолжая репетиции, изолировав себя от мира. Если умирает человек, занимавший значимую роль, его место занимает ближайший родственник. Христос не приходит, репетиции прерываются кровавыми гонениями на актеров, исполнявших роль евреев, со стороны актеров, исполнявших роль христиан. Начинается бесконечный и бессмысленный цикл, этапы которого сменяют друг друга раз в два поколения: жители деревни то готовятся к приходу Христа и активно репетируют, то по несколько лет скитаются по лесам, истребляя друг друга. Из цикла удастся вырваться только Исае Кобылину, который физически сворачивает с пути предков – «у самой гати свернул в сторону» (Шаров, 2019, с. 357). Мессианский и эсхатологический метанарратив, созданный Никоном, желавшим воплотить в жизнь концепцию «Третьего Рима», реализуется в совершенно гротескной форме, обрекает тысячи людей на социальную оторванность, а часть из них – на трагическую гибель. Идеей романа становится не только отрицание возможности построить историософскую концепцию вокруг судьбы народа, но и подчеркивание условности любых больших идеологических схем, их оторванности от реальной жизни обычного человека. В одной из завершающих сцен романа христиане, гонимые за евреями, буквально оказываются в раю («Вокруг был рай» (Шаров, 2019, с. 355)), но не замечают этого и даже тягостятся своим положением, потому что их занимает только мысль о необходимости преследования. Несмотря на то, что в тексте В. Шарова присутствует значительное число маркеров поэтики историографического метаромана – интертекстуальность, фрагментарность, гротескность, вариативность истории, ненадежный рассказчик, перформативность, – «жанр романа трудно определим: постантиутопия, квазиисторический, параисторический, философский роман, абсурдистский роман» (Ларина, 2020, с. 90). Действительно текст В. Шарова на уровне читательского восприятия разительно отличается от, например, романа «Голубое сало» В. Сорокина, который с точки зрения обращения с историческим материалом можно назвать эталонно постмодернистским. По нашему мнению, это связано в первую очередь с тем, что в тексте В. Шарова полностью отсутствует юмористический компонент и нарочито искаженное, пародийное изображение исторических личностей, что в конечном счете только усиливает эффект развенчания заявленных им глобальных нарративов.

Альтернативно-исторический роман

Теоретическую базу для определения сути явления и конкретизации его границ составили работы О. О. Путило (2019), И. В. Брянцевой (2022), И. В. Ащеуловой (2015), Д. А. Карпова (2023). Альтернативно-исторический роман – это субжанр исторического романа, в котором изображаются альтернативные сценарии исторического развития прошлого. В таких произведениях рассматривается, что могло бы произойти, если бы в определенный момент истории события развились по другому пути. Ключевой элемент – изменение хода истории в «точке бифуркации» (ключевом моменте), после которого события начинают развиваться иначе, чем в реальной истории. Существует два типа исторического романа, исходя из сохранения или нарушения законов объективной действительности (Невский, 2004). Первый тип – реалистический – сопряжен с изменениями истории в рамках существующих физических и логических законов. Второй тип – произвольный – базируется на внедрении элементов фантастики (путешествие во времени, прилет инопланетян и т. д.). Исследователи сходятся во мнении, что такой тип альтернативно-исторического романа генетически ближе к жанру фантастики, нежели к исторической прозе (Карпов, 2023, с. 108).

Ключевой момент поэтики альтернативно-исторического романа – точка бифуркации, «развилка истории» (Путило, 2019, с. 182). До момента развилки историческая действительность полностью совпадает с реально существующей общепризнанной историей, после точки бифуркации выстраивается альтернативный исторический процесс. Как отмечают исследователи (Брянцева, 2022), поэтика альтернативно-исторического романа имеет много сходных черт с поэтикой романа псевдоисторического (игра, ирония, текстуализация истории, деконструкция исторического дискурса), но присутствует и ключевое отличие – альтернативно-исторический роман представляет новую версию истории, которая внутри нового текста приобретает объективную природу, в то время как постмодернистские концепции строятся на идеях многомерности, субъективности, общей зыбкости исторического факта.

Наиболее родственным субжанром альтернативно-исторического романа является криптоисторический роман, в некоторых случаях демаркация субжанров затруднена. Криптоисторический роман выстраивается на сходных принципах, но не отрицает и не перестраивает сам исторический факт, а выстраивает альтернативную модель событий и причин, к этому факту приводящих. «В широком смысле крипто- (т. е. скрытая) история нацелена на выявление тайных причин известных исторических событий» (Лобин, 2008, с. 79).

К настоящему моменту субжанр альтернативно-исторического романа фактически целиком закрепился в пространстве массовой литературы и сетературы, при этом приобретая исключительную популярность: например, книга Н. Тарасова и Я. Громова «Воронцов. Перезагрузка» про менеджера Алексея, попавшего в XIX век, на сайте самиздат-библиотеки «Author.Today» имеет более двух миллионов просмотров и пятнадцать тысяч прочтений за 2025 год, а книга «Кротовский, вы последний» Д. Парсиева – три и шесть миллиона просмотров и чуть меньше пятидесяти тысяч прочтений. Преодоление отметки в миллион просмотров для самиздат-книг в жанре альтернативной истории не является редкостью, вместе с тем искомые романы фактически не обладают художественной ценностью: основываются на устоявшейся сюжетной схеме, написаны строго в разговорном стиле, не осмысляют исторический процесс, не поднимают философские вопросы, не содержат примет индивидуально-авторского стиля.

Историоцентричный роман

Последний субжанр исторического романа, который мы выделим, – это историоцентричный роман или роман об историческом прошлом. Тексты, относящиеся к историоцентричным романам, согласно определению Биктимирова (2021), не отображают значительных исторических событий (если изображают, то не концентрируются на них), а раскрывают картину быта и жизни отдельно взятого человека в определенный исторический период. Под внимание писателя попадает рутина жизни – домашний уклад, игры, семейные взаимоотношения, мода и т. д. Этот же субжанр Б. М. Жачемукова и Ф. Б. Бешукова (2011) называют романом об историческом прошлом. Конвергенция общих принципов – интерес к быту «простого человека», фоновость глобальных исторических событий – позволяет говорить о тождественности терминов. Несмотря на то, что в искомых исследованиях не употребляется понятие «микроистория», подобный субжанр романа по сути репрезентует это направление исторической науки в его литературном варианте. Микроистория представляет собой исследовательский подход в исторической науке, сосредоточенный на изучении ограниченных социальных групп, локальных сообществ или индивидуальных биографий. Такой фокус позволяет реконструировать повседневные практики и системы ценностей рядовых людей, чьи голоса редко звучали в традиционных исторических нарративах. Через скрупулезный разбор отдельных случаев направление стремится выявить доминирующие социокультурные паттерны эпохи (Гинзбург, 2004).

Данный субжанр в значительной степени сближается с социально-бытовым романом, но отличает их временная дистанция между нарратором и описываемыми событиями. Если доводить концепцию В. Биктимирова до логического предела, в качестве историоцентричных текстов можно будет маркировать практически любые реалистические тексты, в которых достаточно хорошо изображена конкретная социальная среда. Например, цикл текстов Э. Овечкина «Акулы из стали», никогда не отождествлявшийся ни с автором, ни с исторической прозой, широко описывает жизнь российских подводников в девяностые годы двадцатого века, их быт, характеры, профессиональную деятельность, культуру; соблюдается и условие исторической дистанции между описываемыми событиями и нарратором. Однако исследования Н. М. Лейдермана и М. Н. Липовецкого свидетельствуют о том, что это сближение нельзя назвать сращиванием. Согласно ученым, историоцентричный роман не отказывается от рассмотрения глобальной истории как феномена, а опирается на принцип дополненности: «мельчайшие детали (жизни отдельного человека) могут оказывать многократно опосредованное воздействие на крупные события» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 253).

Вопрос усложняется еще сильнее в контексте соотнесения историоцентричного романа с романом семейным. С одной стороны, описание жизни нескольких поколений внутри историоцентричного романа не делает роман семейным («Красная точка» А. Бавильского); с другой стороны – фоновое использование исторического материала в семейном романе не перекалфицирует его в историоцентричный («Лэйси из Ливерпуля» Ли Маурин). Однако существует ряд текстов, находящихся на границе жанров, внутри которых смысловая важность освещения семейной темы уравнивается с историческими исследованиями. В качестве прецедентного текста возможно указать роман С. А. Шаргунова «1993», о создании которого сам автор говорит так: «Это в первую очередь семейный роман <...> о любви и нелюбви в семье, о семейной драме <...> но, одновременно, – и роман исторический. Я постарался рассказать частную историю той небольшой

гражданской войны...» (Бондаренко, 2013). С одной стороны, в романе в подробностях отображаются жизнь и быт конкретной семьи в нескольких поколениях, с другой – участие ее главы, Виктора Брянцева, в политических событиях 1993 года. «Политический» пласт повествования переплетается с семейным, взаимно определяя друг друга: участие в защите Белого дома во время разгона съезда народных депутатов становится ключевым в жизни Виктора, вокруг этого процесса и выстроено повествование. При этом политические взгляды, приведшие мужчину в гущу событий, формируются фактически случайным образом – из-за жены, с которой Виктор ссорится во время просмотра телевизора: «Но Лена так нагло и небрежно зачислила его в депутаты, с каждой своей ответной фразой он увязал все безнадежнее» (Шаргунов, 2023, с. 181). В это же время участие Виктора и его супруги в политической жизни напрямую влияет на семейный быт – фактически брошенной и забытой оказывается дочь Виктора, Таня, на которую увлеченные политикой родители перестают обращать внимание. Текст романа целиком выстроен на подобных переплетениях, поэтому неправомерным будет определять субжанровую принадлежность к историоцентричному или семейному роману.

Подводя итог, заметим, что исследование специфики исторического романа позволяет выстроить ризоматическую структуру жанра: генетически проистекая из исторического романа, перечисленные выше субжанры образуют самодостаточные общности текстов, сочетающие в себе черты родственных романских жанров и индивидуально-авторских поэтик. Подобные выводы вновь возвращают нас к размышлениям о подвижности романной формы, об «обреченности на неудачу» (Лотман, 1988, с. 181) попыток строгой типизации романа.

Заключение

Обобщив весь представленный материал, мы можем прийти к следующим выводам: область теории литературы, посвященная вопросам специфики жанра исторического романа, динамично развивается; активно ведутся исследования в области категоризации субжанров исторического романа. Ученые сходятся в определении общих границ феномена исторического романа: исторический роман – это литературный жанр, действие произведений которого разворачивается на историческом фоне; жанрообразующими принципами исторического романа являются: 1) временная дистанция между нарратором и описываемыми им событиями; 2) наличие реально существовавших исторических лиц или описание действительных исторических событий; 3) соблюдение принципа историзма, следование исторической логике на всех уровнях текста; достоверное изображение эпохи и быта.

К субжанрам исторического романа относятся историософский роман, историографический метароман (псевдоисторический постмодернистский роман), альтернативно-исторический роман и историоцентричный роман. Единственным константным признаком, объединяющим эти группы, является факт взаимодействия с историей, то есть человеческим прошлым. Главным дифференциальным критерием субжанров служит способ обращения с историей: историософский роман использует исторический материал для утверждения универсальных философских авторских концепций; историографический метароман деконструирует законы исторического процесса; альтернативно-исторический роман выстраивает замещающую линию развития исторического процесса; историоцентричный роман фокусирует свое внимание на локальной истории, фрагментирует всеобщую историю.

Анализ современных русскоязычных художественных текстов показывает, что формы исторического романа могут встречаться в современной литературе («Вечная мерзлота» В. В. Ремизова), однако не занимают доминирующего положения относительно своих субжанров. Сами субжанры могут реализовываться в своем чистом виде (например, типичный историософский роман «Мысленный волк» А. Н. Варламова), могут пересекаться друг с другом практически до сличения («Лемнер» А. А. Проханова, находящийся на границе историософского романа и историографического метаромана), а также сращиваться с опосредованными жанрами (например, «1993» С. А. Шаргунова, сочетающий черты исторического романа и семейной саги).

Перспективы дальнейших исследований заключаются в углубленном изучении пограничных явлений между субжанрами исторического романа. Важным направлением становится сравнительный анализ развития исторического романа в русскоязычной и зарубежной литературе для выявления универсальных и национальных черт жанра.

Материалы исследования | Research materials

1. Варламов А. Н. Мысленный волк: роман. М.: Изд-во АСТ, 2022.
2. Бондаренко В. Г. «Свободная пресса»: Спустя 20 лет защитники Дома Советов... победили. И в литературе, и в жизни. Литературный критик Владимир Бондаренко о событиях 3-4 октября 1993 года и новой книге Сергея Шаргунова // Коммунистическая партия Российской Федерации. Вологодское областное отделение. 22.09.2013. <https://kprf35.com/2013/09/27/4465>
3. Пелевин В. О. A Sinistra / ред. А. Д. Кузина. М.: Эксмо, 2025.
4. Проханов А. А. Лемнер. М.: АСТ, 2025.
5. Шаргунов С. А. 1993. М.: АСТ, 2023.
6. Шаров В. А. Репетиции. М.: АСТ, 2019.

Источники | References

1. Ащеулова И. В. Русская постмодернистская историческая проза в контексте современной русской культуры // Язык и культура: сборник научных статей / под ред. С. К. Гураль. Томск: ТГУ, 2015.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
3. Биктимиров В. Э. Историоцентричный роман: к постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56).
4. Бреева Т. Н. Жанровая специфика историософского романа в русской литературе XX века // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 20.
5. Бреева Т. Н. Жанровые границы историософского романа в русской литературе XX века // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Международной научной конференции, Екатеринбург, 09-11 октября 2008 г. Екатеринбург, 2009. Т. 2.
6. Бреева Т. Н. Концептуализация исторического нарратива в современной русской прозе // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2025. № 2 (80). <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-80-2-113-118>
7. Брянцева И. В. Стилизовое разнообразие альтернативно исторических художественных текстов // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. № 4. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-4-917-921>
8. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.
9. Даниленко И. В. Французский историографический метароман (на материале произведений М. Турнье, Ж. П. Шаброля, Д. Литтелла): дисс. ... к. филол. н. Мн., 2021.
10. Дронова Т. И. Историософский дискурс: объем понятия (к вопросу о жанровой специфике историософского романа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1.
11. Дронова Т. И. Категория жанра в современном литературоведении (к проблеме идентификации историософского романа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 2.
12. Жачемукова Б. М., Бешукова Ф. Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1.
13. Карпов Д. А. Традиции исторического повествования в отечественной романной прозе рубежа XX-XXI вв. (на материале творчества А. Иванова и Бориса Акунина): дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2023.
14. Катаева К. В. Особенности репрезентации истории в романе С. Рашди «Дети полуночи» // Мировая литература в контексте культуры. 2014. № 3 (9).
15. Колядич Т. М., Самарова Е. А. Историософия творчества И. Ефимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-1 (90). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.5>
16. Ларина М. В. Театр идей и бесконечный перформанс истории: поэтика романа Вл. Шарова «Репетиции» // Сибирский филологический форум. 2020. № 2 (10). <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-45>
17. Латынина А. Н. Кто управляет историей? Заметки о романе Алексея Варламова «Мысленный волк» // Новый мир. 2014. № 9. https://magazines.gorky.media/novyj_mi/2014/9/kto-upravlyaet-istoriej.html
18. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. М.: Academia, 2003. Т. 2. 1968-1990.
19. Лобин А. М. Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. Ульяновск, 2008.
20. Ломакина И. Н. Особенности историографической метапрозы (на материале романа Джулиана Барнса «Артур и Джордж») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 3. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-321-325>
21. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.
22. Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: проблема инварианта и типология жанра. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.
23. Мескин В. А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. № 1.
24. Мостобай Т. Ф. «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза как первый английский историографический метароман // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2010. № 1.
25. Невский Б. И. Носик Клеопатры. Альтернативно историческая фантастика // Мир Фантастики. 2004. № 10. https://alternativa.lib.ru/ah/subject/ai_science/index20223card22143.htm
26. Никитина А. А. Франция как пространство симулякров в романе Дж. Барнса «Попугай Флобера» // Вестник науки и образования. 2018. № 17-2 (53).
27. Оскоцкий В. Д. Роман и история. М.: Художественная литература, 1980.
28. Путило О. О. О жанровых границах отечественного альтернативно исторического романа // Филологический класс. 2019. № 4 (58).

29. Райнеке Ю. С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия): дисс. ... к. филол. н. М., 2002.
30. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В. Исторический роман: версия Б. Акунина // Пушкинские чтения. 2013. № XVIII.
31. Шарифова С. Ш. Типы документально художественного романа // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23.
32. Johnson S. L. Historical fiction II: a guide to the genre (Genreflecting Advisory Series). 2nd ed. Westport, Connecticut: Libraries Unlimited, 2009.

Информация об авторах | Author information

Горбуров Иван Дмитриевич¹

¹ Московский педагогический государственный университет

Ivan Dmitrievich Gorburov¹

¹ Moscow State Pedagogical University

¹ iuduobmanuli@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.04.2026; опубликовано online (published online): 29.05.2026.

Ключевые слова (keywords): исторический роман; историософский роман; историографический метароман; историоцентрический роман; типология исторического романа; historical novel; historiosophical novel; historiographic metanovel; historio-centric novel; typology of the historical novel.